

Россия берет реванш: внешние угрозы и реакции режима

В первое десятилетие после распада Советского Союза путеводной звездой для России и большей части Евразии стал Запад¹. Постоянно твердя об “особом пути” России, российские элиты тем не менее жаждали инвестиций, модернизации и интеграции в международные институты и либеральный экономический порядок, созданный США и европейскими государствами и компаниями, которые занимали в этой системе главенствующие позиции. Российские элиты измеряли прогресс стандартами западных стран и институтов, а успехом считали доступ к рынкам и влияние в европейских и американских организациях. Конечно, альтернативы западному либерализму, в особенности либеральной демократии, тоже привлекали их интерес, но основной стандарт оставался неизменным².

Сейчас дела обстоят совершенно иначе. Последние десять лет мы наблюдаем, как Россия целенаправленно отдаляется от западных (американских) ценностей, институтов, правил и норм, а также отказывается от сотрудничества, которое ожидалось от нее в международных вопросах, — причем в последние три года процесс ускорился. Это создает угрозу по всем направлениям и без того крайне неустойчивых взаимоотношений России с США и Европой. Внутри страны мы видим ужесточение контроля над обществом и неуклонное сокращение политической конкуренции; усиливаются националистические и консервативные тенденции в идеологии и риторике.

Связан ли геополитический разворот России, все сильнее удаляющейся от Запада, с ее отходом от либерализма внутри страны?

Взаимосвязь между политическим режимом в России и ее международными отношениями если и обсуждается, то, как правило, в том смысле, что оппозиционный курс внешней политики России определяется ее недемократическими внутренней политикой и политэкономией³. Какие бы причины ни приводили ученые — будь то экономический фактор, связанный с низкоурожайной почвой, или идеологический, связанный с панславизмом или идеями коммунистической революции, — в конце концов все сводится к тому, что сущностной особенностью России является стремление к экспансии и демонстрации собственной мощи за пределами страны⁴. Современные авторы часто отмечают, что российская элита, стоящая во главе недемократического (клептократического⁵, фашистского⁶) режима, стремится отвлечь внимание собственных граждан военными победами и воображаемыми внешними угрозами для того, чтобы удержать власть. Иными словами, Путин вступает в войну за границу, чтобы добиться легитимности на родине.

Эти аргументы привычны и воспринимаются почти как нечто само собой разумеющееся. Гораздо меньше внимания, однако, уделяется обратному тезису: что современный российский режим отчасти является продуктом международной обстановки, сложившейся после окончания холодной войны, когда он, собственно, и формировался. А в том, как именно строился мировой порядок в тот период, российские элиты, справедливо или нет, видели угрозу существованию своей страны.

В течение 25 лет, отделяющих нас от за-

вершения холодной войны, Россия развивалась на фоне беспрецедентной мощи США. Мощь необязательно предполагает угрозу; но странам, за редким исключением, свойственно воспринимать превосходящую силу как угрозу. В последние 25 лет, и особенно после бомбардировок Югославии силами НАТО в 1999 году, Россия начала видеть в мощи и влиянии Соединенных Штатов многоплановую угрозу со стороны Запада. К 2016 году в России укоренилось мнение, что США — это главная военная сила в мире, лидер военного альянса, который неумолимо приближается к российским границам и использует военные и финансовые рычаги, чтобы свергнуть конкурирующие режимы или просочиться в них⁷. Эта точка зрения выражается в официальных заявлениях, государственных СМИ и политических кругах. Россия налагает ограничения на гражданское общество, неправительственные организации, помощь иностранных организаций, СМИ и контролирует стратегические экономические активы. Все это — важные отличительные черты авторитарного режима. Однако эти действия оправдываются необходимостью создать противовес внешней угрозе со стороны Запада. Даже если допустить, что подобные страхи в действительности не вполне обоснованы, — может быть, те, кто принимает решения в России, в самом деле чувствуют опасность, исходящую извне, и именно поэтому принимают те или иные решения, ужесточающие контроль внутри страны? Можно ли предположить, что Россия была бы сейчас другой, более демократической, если бы международная обстановка была иной?

У этих вопросов нет окончательных ответов, потому что нельзя вырвать Россию из международного контекста и посмотреть, как бы складывался российский режим в других условиях. Но в этом-то и дело. Мы не можем считать, что международная обстановка, в которой находилась Россия, никак не влияла на изменения внутри страны. Также мы не должны думать, что международные отношения не скажутся на развитии ситуации внутри России в будущем. Рассматривая последовательность конфликтных ситуаций в международных отношениях, возникавших

на протяжении двух последних десятилетий, а также поворот России к авторитаризму, в этой работе я пытаюсь разобраться, возможно ли, что мы имеем дело с порочным кругом, в котором внешние угрозы приводят к ужесточению порядков внутри страны и наоборот. В итоге в России постоянно усиливаются недемократические, реакционные тенденции — и в том, что касается взаимоотношений с США, и в отношениях с собственными гражданами.

Мы обычно не думаем о господстве США как об источнике возникновения недемократических режимов. В последнее десятилетие исследователи, изучающие роль международной обстановки в формировании внутренних политических режимов как в мире в целом, так и в посткоммунистической Европе в частности, неизменно приходят к выводу, что западное влияние способствует демократизации. Эти авторы утверждают, что (либеральные) международные и региональные организации содействуют демократизации следующими способами: путем социализации элит; используя фактор экономических преимуществ, которые дает членство в международных соглашениях, для того, чтобы влиять на политические режимы потенциальных участников; укрепляя связи, которые ставят недемократические режимы в зависимость от экономики и политики демократических государств⁸. Многие исследователи изучают долгосрочное влияние международных программ по поддержке демократии, а также формирование общественных организаций и СМИ, которые создают основу для демократизации. Также их интересует двустороннее влияние “взаимосвязей” и “рычагов” между соседними государствами и союзниками⁹. Другие исследуют, как межгосударственные активистские сети влияют на мобилизацию с целью демократических изменений, возникающую в ответ на фальсификации на выборах¹⁰. Международное демократическое сообщество стремится “ассимилировать” государства путем социализации, поддержки и межнациональных сетей и связей. В работах, посвященных международному демократизирующему влиянию, нет недостатка.

Однако все эти работы отличает отчетливо

благосклонный или либеральный взгляд на международную обстановку и природу международного влияния. Влияние извне предстает как исключительно “благоприятное”: внешние политические акторы всегда помогают обществу избавиться от оков недемократического правительства, а международное воздействие способствует демократии. Это отчасти справедливый, но весьма ограниченный взгляд на роль международных факторов в формировании политических режимов. И, что немаловажно, подобный взгляд на международные отношения едва ли можно встретить в Москве или Пекине. Он не принимает в расчет ни роль внешних угроз и беспокойства по поводу национальной безопасности и территориального суверенитета, ни то, как конфликтные геополитические отношения между государствами отражаются на их внутреннем развитии.

Это важные упущения. Ученые предшествующей эпохи, занимавшиеся общественными науками, указывали на связь между внешними угрозами и внутренними свободами, или “конституцией” государств. Отто Хинце, военный историк, современник Макса Вебера, писал, что, обращая внимание исключительно на внутренние источники политических режимов, мы, “по сути, вырываем каждое отдельно взятое государство из контекста, в котором оно формировалось; мы рассматриваем государство в изоляции, само по себе, не задаваясь вопросом, существует ли связь между его отличительными особенностями и его отношениями с окружающим миром”¹¹. В соответствии с реалистической школой международных отношений “окружающий мир”, влияющий на развитие режима, рассматривался как угроза. Природа и степень этой угрозы определялись географическим положением и близостью к другим источникам силы. Считалось, что соседи не социализируют страны напрямую; в рамках реалистической школы “конституции” стран — это ответ или реакция на уровень безопасности, который определяется их окружением. На государства влияют не “ценности” соседей, а экзистенциальная конкуренция с ними¹². Политолог Гарольд Лассуэлл считал, что высокий уровень внешней и военной

угрозы порождает недемократические “гарнизонные государства”¹³. Немногочисленные современные работы, посвященные влиянию внешних угроз на формирование политических режимов, приходят к выводу, что внешние угрозы и межгосударственные конфликты оказывают отрицательное воздействие на развитие демократии¹⁴.

Чтобы оценить роль внешней угрозы, полезно взглянуть на реальное соотношение сил и на восприятие угроз в России. В какой международной обстановке Россия существует последние 25 лет? США крайне активны, доминируют в военном плане и постоянно увеличивают свое присутствие на границах России. В первый срок Путина на посту президента, с 2000 по 2005 год, военные расходы США увеличились с \$415 до \$610 млрд и превысили 40% от мировых¹⁵. Следуя инициативам, исходящим из США, НАТО устойчиво расширялось. В 1999 году к альянсу присоединились Польша, Чехия и Венгрия; в 2004 году — Словакия, Словения, Румыния, Болгария и страны Балтии — Эстония, Латвия и Литва; в 2009-м — Хорватия и Албания. Альянс ясно давал понять, что готов принять новых участников; таким образом, возросла вероятность того, что территории, ранее входившие в состав Советского Союза, станут частью архитектуры безопасности НАТО¹⁶. В 2008 году на саммите в Бухаресте альянс открыто заявил, что Грузия и Украина “станут членами НАТО”¹⁷.

Рост военных расходов США, усиление их относительной военной мощи и расширение альянса сопровождалось изменениями в американской доктрине. Международная демократизация и права человека были объявлены важнейшим приоритетом национальной безопасности, а вмешательство во внутренние дела других государств получило в доктрине прямое одобрение. Эти изменения поддержали обе партии. Политика “силового либерализма”, которую администрация Клинтона проводила на Балканах, и расширение НАТО соответствовали им не менее, чем вторжение в Ирак при Буше. Но наиболее четко они были сформулированы во второй инаугурационной речи Джорджа Буша-младшего в 2005 году:

“Происходящие события и здравый смысл приводят нас к единственному выводу: существование свободы в нашей стране все сильнее зависит от процветания свободы в других странах. Чтобы надеяться на мир в нашем мире, нужно распространять свободу по всей земле.

Сегодня насущные интересы Америки совпадают с нашими базовыми принципами. <...> Распространение этих идеалов — это миссия, благодаря которой возникла наша нация. Это благородное достижение наших отцов. Теперь же это становится насущной необходимостью для нашей системы безопасности и требованием эпохи.

Поэтому политика Соединенных Штатов заключается в стремлении поддержать развитие демократических движений и институтов во всех странах и культурах. Наша конечная цель — покончить с тиранией в нашем мире”¹⁸.

Если чувство угрозы возникает из соотношения намерений и возможностей¹⁹, нужно очень страстно верить в благие намерения США, чтобы после холодной войны не считать Америку угрозой²⁰. Прошлый опыт не дает оснований российским элитам верить в благожелательность Запада. В заявленной политике вмешательства “во все страны и культуры” они увидели не благие либеральные намерения, а предлог для использования и экспансии американской силы. В глазах российского правительства в последние 25 лет угроза, исходящая от американского господства, становилась все более явной²¹. Косово в 1999 году. Ирак в 2003-м. Украина в 2004-м. Грузия в 2008-м. Ливия в 2011-м. Украина в 2014-м. Каждый кризис укреплял картину мира элиты, в которой Америка — с ее мощью и готовностью вторгаться в другие страны — воспринималась как источник опасности.

Каково было воздействие либерального американского господства на Россию? Некоторые предполагали, что крушение одного полюса двуполярной системы²² положит конец противостоянию, или, по меньшей мере, альтернативным нормативным принципам²³. Майкл Макфол утверждал, что в “монополярном” мире, который возник после распада

СССР, отсутствие конкурентного давления вкупе с тем, что демократический капитализм оказался единственной моделью развития, означало, что США больше не опасаются революционной смены режима. Другие государства более не в состоянии оказывать помощь авторитарным режимам, которые подавляют народное сопротивление в своей стране²⁴. Под влиянием международной обстановки политические режимы будут сдвигаться в сторону демократии. Иными словами, в мире, где есть только один нормативный полюс и центр силы, не остается иной возможности, кроме как перейти на сторону сильного.

Россия, разумеется, поступила наоборот. В ответ на наращивание и неоднократное применение американской военной силы за пределами границ США Россия увеличила расходы на вооружение и начала серьезную реформу вооруженных сил. В результате в России появилась гораздо более эффективная и менее коррумпированная армия²⁵. В первый президентский срок Путина реформа носила ограниченный характер и был значительно увеличен военный бюджет, хотя доля военных расходов в ВВП и в бюджетных расходах в целом сохранялась примерно на одном уровне: около 4% и 10–11%, соответственно²⁶. Однако после российско-грузинского кризиса 2008 года правительство начало серию реформ под руководством министра обороны Анатолия Сердюкова. Армия перешла от модели массовой мобилизации с большим офицерским корпусом к более эффективной мобильной модели, опиравшейся в большой степени на хорошо экипированных и обученных профессиональных военнослужащих. Расходы выросли, а личный состав сократился. Базовая модель российской армии подверглась трансформации. Внезапные проверки и тренировки боеготовности стали нормой. Россия вкладывала большие средства в производство танков и самолетов нового поколения и целенаправленно осуществляла перевооружение частей и подразделений современной военной техникой. Ядерное оружие по-прежнему оставалось для России надежным ответом в случае возникновения угрозы существованию государства; но одновременно в стране были созданы хорошо

подготовленные мобильные силы специального назначения, способные осуществить быстрое и незаметное развертывание и ответить на угрозу применения обычных вооружений. (Подробнее о военных реформах последних лет см. статьи Александра Гольца в журналах *Pro et Contra* и *Контрапункт*; в частности, Страна победившего милитаризма// *Контрапункт*. №5.2016. URL: http://www.counterpoint.org/golts_5/ (доступ 01.09.2017) — Прим. ред.) Кроме того, правительство усилило давление на инакомыслие внутри страны.

В какой степени ужесточение политического режима связано с тем, что упомянутые выше кризисы усиливали у России ощущение внешней угрозы? Многие исследователи полагают, что российские лидеры намеренно создают представление, будто сложившаяся в мире обстановка таит в себе угрозы для России, и используют этот образ для упрочения собственного закрытого и коррумпированного режима. Россию нередко называют клептократией. Но власть, занятая преимущественно личным обогащением, не должна тратить больше десяти процентов государственного бюджета на военные расходы, тем более выделять значительные средства на проведение регулярных учений, направленных на реальное повышение боеготовности. Клептократы — правители, которых интересует только собственное обогащение, как Януковича в Украине или Мобуту в Конго, — кладут деньги к себе в карман, отчего все функции режима атрофируются, кроме тех, что необходимы для политического выживания самого клептократа. Если бы российское правительство раздувало внешнюю угрозу только для того, чтобы остаться у руля, оно бы не тратило реальные деньги на оборону. Государственные расходы заставляют прийти к выводу, что официальные заявления о внешней угрозе — не просто пропаганда для внутреннего потребления.

Как было сказано выше, у нас нет возможности заглянуть в параллельную вселенную, где США слабее и не стремятся насаждать демократию с помощью военной силы. Однако мы можем лучше разобраться в ситуации, если проанализируем, когда и в какой последовательности в России происходили измене-

ния режима. Если верно, что внешняя угроза побуждает к ограничениям свобод внутри страны, то за активными действиями США и НАТО должно следовать ужесточение режима в России. После каждого нового кризиса такого рода Россия должна последовательно отгораживаться от международного либерального порядка, вкладывая средства в силовые структуры и усиливая авторитарный контроль внутри страны. Реакция российского руководства может быть описана как своего рода “консервативный реализм”: стремление России уравновесить влияние и господство США в мире проявляется в ужесточении политического контроля в стране и использовании силы за ее пределами.

Судя по официальным документам, посвященным проблемам безопасности, — например, Концепции внешней политики Российской Федерации и Концепции национальной безопасности Российской Федерации, — кардинальный поворот в восприятии угрозы в России произошел во время наступательных военных операций НАТО в Косово. До этого в официальной правительственной оценке безопасности не указывалось, что США и их господствующее положение представляют угрозу для России. Расширение НАТО, начавшееся в середине 90-х, в России встретили с неудовольствием, однако само по себе оно, по-видимому, не было воспринято как угроза территориальной целостности страны²⁷. В 1997 году, после того, как Польшу, Венгрию и Чехию пригласили в Североатлантический альянс, ни НАТО, ни США не фигурировали в списке угроз, перечисленных в российской доктрине безопасности. Внешние военные угрозы вообще едва удостоились упоминания. Даже первые в истории масштабные военные действия НАТО — наступательная операция в Боснии против сил боснийских сербов — получили одобрение Совбеза ООН. Со времен Горбачева США в России не считали враждебным государством; и хотя расширение НАТО и применение силы вызвали в России определенное беспокойство, это все-таки не привело к кардинальному пересмотру отношения к Америке.

Все изменилось после Косова. Восприятие полностью трансформировалось после

бомбардировок Югославии силами НАТО в 1999 году. Они показали, что альянс может быть и будет использован для наступательных операций за пределами национальных территорий для вмешательства во внутренние дела суверенных государств без одобрения ООН. Российские лидеры немедленно ощутили потенциальную угрозу. Объединение усилий внешних военных сил (США и НАТО) и внутренней оппозиции (“Армии освобождения Косова”) с целью свержения правительства страны стало восприниматься как новый способ ведения войны и “формирования однополярного мира”²⁸. В Концепции национальной безопасности Российской Федерации от октября 1999 года — первой после войны в Косово — было указано, что международное влияние на внутреннюю политику России является угрозой национальной безопасности²⁸. Отмечалось, что усиление контроля внутри страны стратегически необходимо для того, чтобы не допустить подрыва внутренней безопасности России извне. В асимметричном мире, где доминирует Запад, мысль о том, что внешние силы могут использовать внутреннюю оппозицию для свержения режима, вызвала у некоторых лидеров порочное желание ограничить или полностью искоренить в своей стране плюрализм — неотъемлемый элемент демократического правления. Селест Уолландер (впоследствии, при президенте Обаме, Уолландер возглавила отдел России и Центральной Азии в Совете национальной безопасности США), которая внимательно следила за российской политикой в сфере безопасности, отмечала в начале 2000 года, что “многие российские аналитики считают, что взаимное недоверие в отношениях [между США и Россией] приближается к уровню холодной войны”³⁰.

Вскоре после бомбардировок Югославии силами НАТО весной 1999 года в России наметился поворот к авторитаризму³¹. В качестве своего преемника Ельцин избрал бывшего офицера КГБ; Кремль укрепил вертикаль власти и вторгся в Чечню, чтобы восстановить контроль федерального правительства над этой территорией и таким образом исключить возможность вмешательства Запада для поддержки сепаратистского движения

внутри России, как это произошло в Косово. В первый президентский срок Путин резко расширил сферу государственного контроля. Ключевые телеканалы перешли во владение государственных корпораций и банков. В свою очередь, главами госкорпораций и банков стали люди из близкого окружения Путина, как правило, силовики³². Произошла ренационализация природных ресурсов, контроль над которыми отошел людям, связанным с Путиным отношениями личной преданности. Те, в чьих руках находилась крупная собственность, либо присягнули на верность режиму (Михаил Фридман, Владимир Потанин, Вагит Алекперов), либо были лишены этой собственности (Михаил Ходорковский, Владимир Гусинский, Борис Березовский). Иностранцев инвесторов вытеснили из ключевых отраслей. Было введено новое административное деление России в соответствии с расположением военных округов и отменены выборы губернаторов.

Все эти изменения привели к ухудшению в отношениях России с США. Американские президенты критиковали действия России. Это лишь укрепляло Россию во мнении, что, поскольку США занимают господствующее положение и с готовностью вмешиваются во внутригосударственные дела других стран, любые движения, которые могут оказаться в оппозиции к правящему режиму — будь то этнические/сепаратистские, либеральные или гуманитарные, — это потенциальная “пятая колонна”, которую может использовать могущественный внешний враг. Озабоченное внимание США к тому, что происходит внутри России, укрепляло убежденность российского руководства, что для противостояния внешней угрозе необходим внутренний контроль.

Вторжение Штатов в Ирак и цветные революции стали дополнительным свидетельством того, что господство США представляет угрозу нового типа, и усугубили негативную тенденцию в отношениях между Россией и Америкой³³. Особенно значимыми были цветные революции в Югославии (2000), Грузии (2003) и Украине (2004). В этих случаях, как и в случае с “Армией освобождения Косова”, в России воспринимали оппозицию не как народное движение за свободу

и демократию, а как организованную сеть прозападных агентов, которую США использовали для свержения недружественных лидеров. Даже когда участие американского правительства в этих революциях не было очевидно, среди российских элит преобладало мнение, что Штаты приложили к ним руку, а под “курсом на свободу” скрывается стратегия США по свержению неугодных режимов. Утверждения о наличии связей между западной поддержкой и внутренней оппозицией не вполне обосновательны. Политологи Стивен Левицки и Лукан Вэй указывают на организационные связи Запада с местным бизнесом и неправительственными организациями как на ключевой фактор, влияющий на демократизацию страны³⁴. Как отмечал Макфол по поводу Украины, внешняя помощь США и Европы “в значительной степени способствовала деятельности общественных организаций, что помогло активизировать явку и затем отстоять результаты голосования”, а “одно из наиболее влиятельных изданий, «Украинская Правда», практически полностью финансировалось из-за границы”³⁵. Транснациональные сети обучали активистов и организовывали внешнюю помощь³⁶. Поддержка НПО, СМИ и наблюдение за ходом выборов стали для США неотъемлемым элементом международной помощи и деятельности по продвижению демократии в мире.

После Оранжевой революции в Украине в российских доктринах безопасности появились формулировки, отражающие новый негативный сдвиг в восприятии США и их влияния на внутригосударственные дела. Для борьбы с однополярным господством Америки нужно было уже не просто укреплять боеспособность, чтобы уравновесить Штаты. Теперь ставилась задача ограничить американский “курс на свободу”, в глазах России — инструмент, позволяющий США распространять свою власть и вмешиваться в дела других стран путем “гибридной войны”. С начала 2000-х Кремль заявлял, что США распространяют свое влияние посредством внедрения и подрывной деятельности против недружественных правительств; что в своем бесконечном стремлении к власти Штаты используют национальное и меж-

дународное законодательство в собственных интересах; и что сегодняшней мировой порядок во многом представляет собой механизм для осуществления американских замыслов и упрочения американского влияния. Смена режима приравнивалась к подчинению Америке. Внешние акторы, способствующие внедрению новых норм, и связанные с ними местные гражданские организации считались передовым отрядом американских сил. К январю 2005 года российские государственные СМИ открыто заявляли, что против России теперь ведется новая холодная война, в арсенале которой “политические провокации, осуществляемые с помощью спецопераций, информационная война и политическая дестабилизация, а также захват власти специально подготовленными меньшинствами... в результате бархатных, васильковых, оранжевых и прочих революций”³⁷.

Утверждение о наличии связей между США и внутренней оппозицией — независимо от того, существовали ли они в действительности, — также негативно повлияло на режим³⁸. Выступая в Госдуме в мае 2005 года, глава ФСБ Николай Патрушев говорил, что иностранные разведывательные службы используют неправительственные организации, чтобы внедриться в российское общество, и “под прикрытием реализации в регионах России гуманитарных и образовательных программ ими осуществляется лоббирование интересов определенных стран и сбор информации закрытого характера по широкому спектру проблем”³⁹.

После Оранжевой революции в Украине в 2004 году российское правительство ввело новые законодательные ограничения на деятельность НКО, ужесточило контроль над иностранными программами помощи, а также приняло ряд мер, ограничивающих свободу СМИ, деятельность международных правозащитных организаций и наблюдателей за ходом выборов⁴⁰. Путин открыто заявил, что закон, ограничивающий деятельность НКО, “призван оградить от вмешательства иностранных государств во внутривнутриполитическую жизнь Российской Федерации”⁴¹.

Сразу после цветных революций был принят целый ряд мер, которые с полным основанием можно считать непосредственным от-

ветом на эти события⁴²: был усилен контроль над обществом, в официальной пропаганде громче зазвучали националистические мотивы и были созданы квазигражданские организации националистического толка.

Когда в 2011–2012 годах в России вспыхнули массовые протесты, американское правительство выразило открытую поддержку этим акциям. Выступая в Литве, госсекретарь Хиллари Клинтон заявила, что “россияне, как и все остальные, заслуживают того, чтобы их мнение было услышано, а голоса подсчитаны”⁴³. На это российское правительство ответило выдворением из страны Агентства США по международному развитию (USAID). Кроме того, был принят закон, обязывающий организации, получающие финансирование из-за рубежа, регистрироваться в качестве “иностранцев”; введены новые ограничения на участие в протестных акциях; а в государственной риторике вновь и вновь звучали заявления о влиянии внешних сил на внутривнутриполитическую ситуацию в России⁴⁴. “Закручиванию гаек” предшествовали слова Путина о том, что оппозиционные лидеры “услышали сигнал и при поддержке Госдепа США начали активную работу... Мы все здесь взрослые люди и понимаем, что часть организаторов действует по известному сценарию, перед ними стоят узкокорыстные политические цели”⁴⁵.

Страх перед цветными революциями — которые, как полагали российские власти, по всей видимости, получают иностранное финансирование и одобрение извне, — побудил Россию организовать эффективное противодействие с помощью авторитарных стратегий, доктрин и идей. Внешняя поддержка демократии привела к ужесточению режима.

С началом кризиса в Украине в 2014 году российский режим стал еще более закрытым, а враждебность в российско-американских отношениях резко усилилась⁴⁶. Ощущение угрозы в Москве явно усугубилось, когда правительство Януковича было неконституционным образом изгнано, а власть захватила проамериканская, пронатовская, антироссийская коалиция. Кремль отреагировал рядом внутривнутриполитических, военных и идеологических мер, призванных восстановить равновесие⁴⁷. В качестве военного ответа модернизи-

рованная в предшествующие годы российская армия быстро аннексировала Крым и поспешила на помощь восточно-украинским сепаратистам. К маю 2014 года в российской концепции безопасности цветные революции как форма гибридной войны, которую ведет Америка, были названы основной внешней угрозой⁴⁸. Новые законы еще больше ограничили присутствие иностранных донорских организаций и снизили допустимую долю иностранной собственности в СМИ до двадцати процентов. В результате сменила владельцев газета “Ведомости” — один из последних относительно независимых источников новостей. Пропаганда клеймила оппозиционеров “пятой колонной” на службе у Запада. Госдума приняла закон, разрешающий ФСБ применять огнестрельное оружие при значительном скоплении людей⁴⁹. А Кремль создал Национальную гвардию, подчиняющуюся непосредственно президенту.

Конечно, не каждый шаг России, уводящий ее от формальной демократии, объясняется внешними обстоятельствами. Борис Ельцин стрелял по российскому парламенту и протолкнул сверхпрезидентскую конституцию на референдуме в 1993 году — эти действия не имеют никакой очевидной связи с международными факторами. Ограничение деятельности политических партий также нельзя объяснить реакцией на внешние факторы, поскольку никакие политические партии не получали иностранной поддержки. Более того, иногда ужесточение режима — например, отмена губернаторских выборов или установление контроля над гражданскими организациями — было связано с терактами и сепаратистскими движениями, которые определенно должны были обострить ощущение угрозы, исходящей изнутри страны. После трагедии “Норд-Оста” в октябре 2002 года был принят ряд антитеррористических законов, ограничивающих освещение чрезвычайных ситуаций в СМИ, а НТВ — последний независимый федеральный телеканал — фактически перешел в руки государства. После теракта в Беслане в 2004 году — больше чем за месяц до начала Оранжевой революции в Украине — Госдума отменила выборы губернаторов. Но заявления российских

властей и явные попытки воспрепятствовать иностранному влиянию путем усиления контроля в стране демонстрируют, что даже эти внутривластные проблемы рассматривались исключительно через призму международной угрозы и конкуренции.

Не все страны реагировали на господствующее положение США попытками создать ему противовес или ужесточить авторитарный контроль; не все были в состоянии это сделать. Реакцией Германии и других членов НАТО стало сокращение их собственных военных расходов — тем самым они добровольно пошли на то, чтобы снизить способность противостоять внешним угрозам. Они всячески приветствовали американскую мощь и видели в ней опору, а не угрозу своей безопасности. Но в представлении России, у которой за плечами был советский опыт, картина мира выглядела совершенно иначе, и авиаудары стран НАТО по Югославии полностью ей соответствовали. Российская элита издавна считала внутреннюю оппозицию агентом внешних сил. В 1947 году Джордж Кеннан писал: «В 1924 году Сталин, в частности, обосновывал сохранение органов подавления, под которыми среди прочих он подразумевал армию и секретную полицию, тем, что, «до тех пор пока существует капиталистическое окружение, сохраняется опасность интервенции со всеми вытекающими из нее последствиями»» (*Кит Дарден ошибочно указывает в качестве источника этой цитаты «Длинную телеграмму»*; в действительности это цитата из статьи Кеннана «Истоки советского поведения», опубликованной в журнале *Foreign Affairs* в 1947 году. См. URL: <http://www.historyguide.org/europe/kennan.html> (доступ 01.09.2017) и русский перевод URL: <http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/istoki-sovetskogo-povedeniya.php> (доступ 01.09.2017) — Прим.ред.). С тех пор, в полном соответствии с этой теорией, всю внутреннюю оппозицию в России последовательно представляли агентами иностранных реакционных сил, враждебных Советской власти.

Возможно, подобная реакция России на рост американской мощи не была неизбежной. Но она определенно оказалась созвучна советской риторике времен холодной войны об угрозе проникновения врага в страну.

Чтобы поместить реакцию России в более широкий контекст, можно вспомнить труды историка и дипломата Эдварда Х. Карра. Он говорил о факторе соотношения сил, лежащем в основе нормативных обязательств в международных вопросах. Работая в 1930-е годы, но рассматривая в своем исследовании идеологии доминирующих государств в предшествующие периоды, историк отмечал, что интернационализм и универсализм — это идеологии держав, стремящихся к мировому господству, к гегемонии. Карр считал, что универсальные ценности удобны именно могущественным государствам, поскольку ими можно оправдать вторжение и вмешательство во внутренние дела других стран — что в принципе под силу только самым сильным державам. «К международной солидарности и мировому единству, — пишет Карр, — призывают те доминирующие государства, которые надеются осуществлять контроль над объединенным миром». В свою очередь, отмечает историк, идеологическая реакция развивающихся стран обусловлена их более слабым положением. «Страны, стремящиеся попасть в доминантную группу, естественным образом противопоставляют национализм интернационализму государств, обладающих контролем»⁵⁰. Универсализм, как либеральный, так и коммунистический, — это идеология доминирующих стран. Государства, набирающие или, напротив, теряющие силу, обращаются к национализму и партикуляризму.

Развитие России после окончания холодной войны происходило в условиях американского господства. В арсенале США были военная мощь, сети активистов, поддерживающих демократические выборы в других странах, а также открыто провозглашаемая цель распространения демократии путем смены режимов. На примере антилиберализма в России и Китае мы можем наблюдать парадоксальный эффект уникального статуса США как наиболее мощной доминирующей державы: извращение доминирующих норм в целях защиты. В государствах, у которых достаточно сил, чтобы оказать противодействие, и где исторически внутренний плюрализм рассматривался как источник внешней угрозы, сопротивление американскому доминированию

приводит к антилиберализму — что, в свою очередь, сказывается на формировании внутриполитических институтов. Печально, что господство либерально-демократических государств в мире не обязательно приводит к постепенному распространению демократии и нормативной ассимиляции недемократических развивающихся стран. Но это не должно удивлять. Вполне естественно, что первой реакцией на “силовой” либерализм становится попытка оказать ему сопротивление.

Именно это мы видим на примере России. Ответом на либерально-демократический универсализм и американское господство стали наращивание военной мощи, репрессивный разворот внутри страны и консервативный антидемократический национализм. Опасаясь США и их вмешательства в свои внутренние дела, российские власти последовательно ужесточали политический контроль над государством и обществом. В свою очередь, это ухудшало отношения со Штатами. В этом смысле репрессивный режим в России нельзя объяснять исключительно внутренними причинами. Отчасти он сформировался в результате реакции на мировой порядок, в котором США заняли доминирующее положение, а также на продвижение демократии по всему миру. Либеральный универсализм все чаще опирался на применение силы. Он явно становился все более “американским” — Америка обеспечивала поддержку этого курса и его правовые основания; с расширением НАТО и цветными революциями он все ближе подступал к российским границам. И по мере того, как это происходило, Россия становилась не более свободной, а более закрытой. В результате конфликта с Западом по поводу Украины и последовавших за ним санкций внешняя угроза усилилась — и Россия стала еще более закрытой, усугубились националистические тенденции, внутренняя политика стала более репрессивной. Господство США и их стремление распространять демократию вызвало у России парадоксальную, но едва ли неожиданную реакцию: недемократический режим ужесточился, а национализм и антилиберализм укрепились как в сфере идей, так и на практике. Будь российско-американские отношения менее напряженными, возможно,

Россия сейчас была бы совсем другой, более демократической. А более демократическая Россия, в свою очередь, вероятно, смогла бы выстроить более дружественные отношения со Штатами.

Это не значит, что в конфликтных отношениях России с Западом или ее авторитарном развороте в том или ином смысле “виновато” какое-то конкретное американское правительство или американский президент. В период после окончания холодной войны не было никаких серьезных оснований для того, чтобы главенствующее положение или демократические институты США подверглись изменениям. Возможно, американских ценностей в сочетании с американским господством самих по себе хватило для осложнения российско-американских отношений. Но ужесточение внутреннего контроля после каждого международного кризиса в отношениях с Западом, начиная с Косово, говорит о том, что в случае с Россией союз либеральных идеалов и силы — особенно военной — оказался пагубным.

Вероятно, случай России не уникален и указывает на необходимость более глубокого изучения отношений между государственной мощью и идеями, а также между господством США и эффективностью распространения демократии. Поскольку самое сильное государство в мире практикует “силовой” либерализм, возникают опасения, что свобода будет использована как предлог для вмешательства во внутренние дела других стран. Дело продвижения демократии по всему миру — поддержка СМИ, общественных организаций и академической среды, то есть тех сообществ, члены которых склонны разделять ценности другого, более сильного государства, — парадоксальным образом может привести к репрессиям и росту национализма или, как минимум, подорвать собственные, внутренние источники демократизации государства. Сила, в особенности военная, может свести на нет способность страны распространять свои идеи. Демократические ценности, возможно, сами по себе истинны, но когда они звучат из уст самого могущественного государства за всю историю человечества, эта истина вполне может показаться ложью.

Примечания

1. Оригинал статьи Дардена см.: DARDEN K.A. *Russian Revanche: External Threats & Regime Reactions* // *Daedalus*. Spring 2017. Vol. 146, Issue 2. P. 128–141. URL: http://www.mitpressjournals.org/doi/full/10.1162/DAED_a_00440 (доступ 02.10.2017).
2. DARDEN K.A. *Economic Liberalism and Its Rivals: The Formation of International Institutions Among the Post-Soviet States*. New York: Cambridge University Press, 2009.
3. Другие работы предполагают, что динамика российского режима или никак не связана с внешним влиянием, или не подвержена его воздействию. НАЛЕ Н.Е. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. New York: Cambridge University Press, 2015 (см. рецензию на нее В. Гельмана в *Контрапункте*, №2, 2015. URL: <http://www.counter-point.org/patronal-politics-eurasian-regime-dynamics-in-comparative-perspective/> (доступ 31.08.2015) — Прим. ред.); и WAY L. A. *Resistance to Contagion: Sources of Authoritarian Stability in the Former Soviet Union* // BUNCE V., McFAUL M., STONER-WEISS K. (Eds.) *Democracy and Authoritarianism in the Postcommunist World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
4. PIPES R. *Russia Under the Old Regime*. New York: Scribners, 1974, Ch. 1; “X” [GEORGE F. KENNAN] *The Sources of Soviet Conduct* // *Foreign Affairs*. 1947, July; КОТКИН S. *Russia’s Perpetual Geopolitics* // *Foreign Affairs*. 2016. Vol. 95, № 3.
5. DAWISHA K. *Putin’s Kleptocracy: Who Owns Russia?* New York: Simon and Schuster, 2014.
6. МОТЫЛ A.J. *Is Putin’s Russia Fascist?* // *Atlantic Council*. 2015. April 23rd. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/is-putin-s-russia-fascist> (доступ 31.08.2017).
7. MEARSHEIMER J.J. *Why the Ukraine Crisis is the West’s Fault: The Liberal Delusions that Provoked Putin* // *Foreign Affairs*. 2014. September-October. Vol. 93, № 5.
8. LEVITSKY S., WAY L.A. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. New York: Cambridge University Press, 2010; РЕВЕНОУС J.C. *Democracy from Above: Regional Organizations and Democratization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; и ВАСНУДОВА M. *Europe Undivided: Democracy, Leverage and Integration after Communism*. London: Oxford University Press, 2005.
9. CAROTHERS T. *Aiding Democracy Abroad: The Learning Curve*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1999; McFAUL M. The Missing Variable: The “International System” as the Missing Link Between Third and Fourth Wave Models of Democratization // BUNCE V., McFAUL M., STONER-WEISS K. Op. cit.; *Comparing Oranges and Apples: The Internal and External Dimensions of Russia’s Turn Away from Democracy* // *Ibid.*; LEVITSKY S., WAY L.A. (Eds.) Op. cit.; BRINKS D., COPPEDGE M. *Diffusion is No Illusion: Neighbor Emulation in the Third Wave of Democracy* // *Comparative Political Studies*. 2006. May. Vol. 39, №4. P. 463–489; и GLEDITSCH K.S., WARD M. D. *Diffusion and the International Context of Democratization* // *International Organization*. 2006. Vol. 60, №4. P. 911–933.
10. BUNCE V., WOLCHIK S. *Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries*. New York: Cambridge University Press, 2011.
11. HINTZE O. *The Formation of States and Constitutional Development: A Study in History and Politics* // GILBERT F. (Ed.) *The Historical Essays of Otto Hintze*. New York: Oxford University Press, 1975. P. 157–177.
12. WALTZ K. *Theory of International Politics*. New York: McGraw-Hill, 1979.
13. LASSWELL H.D. *The Garrison State* // *The American Journal of Sociology*. 1941. Vol. 46, №4. P. 455–468.
14. GURR T.D. *War, Revolution, and the Growth of the Coercive State* // *Comparative Political Studies*. 1988. Vol. 21, №1. P. 45–65; THOMPSON W.R. *Democracy and Peace: Putting the Cart before the Horse* // *International Organization*. 1996. Vol. 50, №1. P. 141–174; REITER D. *Does Peace Nurture Democracy?* // *The Journal of Politics*. 2001. Vol. 63, №3. P. 935–948; GIBLER D.M. *Outside-In: The Effects of External Threat on State Centralization* // *The Journal of Conflict Resolution*. 2010. Vol. 54, №4. P. 519–542; RASLER K., THOMPSON W.R. *Borders, Rivalry, Democracy, and Conflict in the European Region, 1816–1994* // *Conflict Management and Peace Science*. 2011. Vol. 28, №3. P. 280–305; и KREBS R.R. *In the Shadow of War: The Effects of Conflict on Liberal Democracy* // *International Organization*. 2009. Vol. 63, №1. P. 177–210. При огромном количестве работ, посвященных

- ключевой роли внешней угрозы и международной конкуренции в становлении государственных институтов, развитии национализма и формировании политики в отношении меньшинств, поражает малочисленность работ на тему связи между внешней угрозой и типом режима. О литературе, посвященной формированию государств и наций, см. DARDEN K., MYLONAS H. *Threats to Territorial Integrity, National Mass Schooling, and Linguistic Commonality* // *Comparative Political Studies*. 2016. September. Vol. 49, №11. P. 1446–1479.
15. SIPRI Military Expenditure Database // Stockholm International Peace Research Institute. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (доступ 01.09.2017).
 16. По мере расширения НАТО члены альянса снижали расходы на военный сектор, но присоединение новых участников означало, что США получают больше возможностей распространять свое влияние в Европе на восток. В этом году к альянсу может присоединиться Черногория (*Статья была закончена до официального присоединения, которое состоялось 5 июня 2017 года — Прим. ред.*)
 17. СМ.: СТЕНТ А. *The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 2014.
 18. *Second Inaugural Address of George W. Bush; January 20, 2005* // The Avalon Project. Documents in Law, History and Diplomacy. Yale Law School. URL: http://avalon.law.yale.edu/21st_century/gbush2.asp (доступ 01.09.2017).
 19. WALT S.M. *The Origins of Alliances*. Ithaca (NY): Cornell University Press, 1982.
 20. Эти заявления отражали мысль о том, что суверенитет иностранных правительств условен (и зависит от демократии и прав человека), а США могут легитимно использовать силу для свержения нелегитимных режимов. Когда отсутствует международный орган, оценивающий легитимность, и государства сами выносят суждения относительно собственных действий, подобные заявления представляются крайне опасными.
 21. ЛУК'ЯНОВ F. *Perestroika 2014: The Reasons Behind Moscow's Firm Stance on Ukraine* // Valdai Discussion Club. 2014. March 19th. URL: http://valdaiclub.com/a/highlights/perestroika_2014_the_reasons_behind_moscow_s_firm_stance_on_ukraine/ (доступ 01.09.2017). См. оригинальный текст на русском: Лукьянов Ф. *Перестройка-2014* // Газета.Ru. 2014. 16 марта. URL: <http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/5952017.shtml> (доступ 01.09.2017); Владимир Путин встречается с участниками дискуссионного клуба "Валдай". *Стенограмма пленарной сессии 13-й ежегодной встречи* // Дискуссионный клуб. 2016. 27 октября. URL: <http://valdaiclub.com/events/posts/articles/vladimir-putin-took-part-in-the-valdai-discussion-club-s-plenary-session/> (доступ 01.09.2017).
 22. WOHNFORTH W.S. *The Stability of a Unipolar World* // *International Security*. Summer 1999. Vol. 24, №1.
 23. MCFAYL M. *Op. cit.*; FUKUYAMA F. *The End of History?* // *The National Interest*. Summer 1989.
 24. MCFAYL M. *Op. cit.*
 25. *Об ощущении угрозы как движущей силе реформ* см. BELKIN A. *Civil-Military Relations in Russia after 9/11* // *European Security*. 2003. Vol. 12, №№ 3–4. P. 1–19. О направлении реформ см. BARANY Z. *The Politics of Russia's Elusive Defense Reform* // *Political Science Quarterly*. 2006. Vol. 121, № 4. P. 597–627; GILES K. *Russian Operations in Georgia: Lessons Identified Versus Lessons Learned* // MCDERMOTT R.N., NYGREN B., VENDIL PALLIN C. (Eds.) *The Russian Armed Forces in Transition: Economic, Geopolitical and Institutional Uncertainties*. London: Routledge, 2012; GORENBURG D. *The Russian Military under Sergei Shoigu: Will the Reform Continue?* // *PONARS Eurasia*. 2013. June. №253. URL: <http://www.ponarseurasia.org/memo/russian-military-under-sergei-shoigu-will-reform-continue> (доступ 01.09.2017); HAAS DE M., SOLHEIM R. *Russia's Military Reforms: Victory After Twenty Years of Failure?* The Hague: Netherlands Institute of International Relations "Clingendael", 2011; KLEIN M. *Towards a "New Look" of the Russian Armed Forces? Organizational and Personnel Changes* // MCDERMOTT R.N., NYGREN B., VENDIL PALLIN C. (Eds.) *Op. cit.*; и THORNTON R. *Military Organizations and Change: The "Professionalization" of the 76th Airborne Division* // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2010. Vol. 17, №3. P. 449–474.
 26. SIPRI Military Expenditure Database...
 27. В западных политических кругах отдавали себе отчет в том, что расширение НАТО может негативно повлиять на внутреннюю политику России; так, Клинтон объявил о расширении НАТО только после выборов в России 1996 года. См. ZIMMERMAN W. *Ruling Russia: Authoritarianism from the Revolution to Putin*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 2014.
 28. Приведенные слова принадлежат бывшему министру иностранных дел России Игорю Иванову. Цит. по СТЕНТ А.Е. *Op. cit.* P. 43.
 29. НОРФ Т. "Crime is Ours": *A Discursive History*. Неопубликованная рукопись, январь 2016, P. 4–5; СТЕНТ А.Е. *Op. cit.*, Ch. 7; и WALLANDER C.A. *Russian National Security Policy in 2000* // *PONARS Eurasia*, 2000. №102. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0102.pdf (доступ 01.09.2017).
 30. WALLANDER C.A. *Op. cit.*
 31. BROWN A. *Vladimir Putin and the Reaffirmation of Central State Power* // *Post-Soviet Affairs*. 2001. Vol. 17, №1. P. 45–55; и KRYSHANOVSKAYA O., WHITE S. *The Sovietization of Russian Politics* // *Post-Soviet Affairs*. 2009. Vol. 25, №4. P. 283–309.
 32. TAYLOR B.D. *State Building in Putin's Russia: Policing and Coercion after Communism*. New York: Cambridge University Press, 2011.
 33. О колебаниях в российско-американских отношениях и эффекте этих событий см.: СТЕНТ А.Е. *Op. cit.*
 34. LEVITSKY S., WAY L.A. *Op. cit.*
 35. MCFAYL M. *Op. cit.* P. 219.
 36. BUNCE V., WOLCHIK S. *Op. cit.*
 37. HORVATH R. *Putin's "Preventive Counter-Revolution": Post-Soviet Authoritarianism and the Spectre of Velvet Revolution*. London: Routledge, 2012. P. 93.
 38. Об ощущении угрозы у российской элиты и реакциях режима см. LAPIDUS G.W. *Between Assertiveness and Insecurity: Russian Elite Attitudes and the Russia-Georgia Crisis* // *Post-Soviet Affairs*. 2007. Vol. 23, №2. P. 138–155; HILL F., GADDY C.G. *Mr. Putin: Operative in the Kremlin. New and expanded edition*. Washington, D.C.: Brookings Institution, 2015. Esp. P. 342–345; и НОРФ Т. *Op. cit.*
 39. *Выступление директора Федеральной службы безопасности РФ Николая Патрушева в Государственной Думе ФС РФ* // Интелдрос. Интеллектуальная Россия. 2005. 12 мая. URL: <http://www.intelros.org/lib/doklady/patrushev.htm> (доступ 01.09.2017).
 40. ROBERTSON G.B. *Managing Society: Protest, Civil Society, and Regime in Putin's Russia* // *Slavic Review*. 2009. Vol. 68, № 3. P. 528–547.
 41. Заявления для прессы и ответы на вопросы по итогам заседания Межгосударственного совета евразийского экономического сообщества // Президент России. 2006. 25 января. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23409> (доступ 01.09.2017).

- 42 FINKEL E., BRUDNY Y.M. *Russia and the Colour Revolutions* // Democratization. 2012. Vol. 19, №1. P. 15–36.
- 43 WARRICK J., DEYOUNG K. *From Reset to Pause: The Real Story Behind Hillary Clinton's Feud with Vladimir Putin* // The Washington Post. 2016. November 3rd. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/from-reset-to-pause-the-real-story-behind-hillary-clintons-feud-with-vladimir-putin/2016/11/03/f575f9fa-a116-11e6-8832-23a007c77bb4_story.html?utm_term=.cc9e06cad78a (доступ 01.09.2017); и ELDER M. *Vladimir Putin Accuses Hillary Clinton of Encouraging Russian Protests* // The Guardian. 2011. December 8th. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/dec/08/vladimir-putin-hillary-clinton-russia> (доступ 01.09.2017).
- 44 *Putin Warns Against Foreign "Interference" at FSB Meeting* // The Moscow Times. 2013. February 13th. URL: <http://www.themoscowtimes.com/news/article/putin-warns-against-foreign-interference-at-fsb-meeting/475594.html> (доступ 01.09.2017).
- 45 Elder M. *Op. cit.*
- 46 CHARAP S., DARDEN K. *Commentary: Russia and Ukraine* // Survival: Global Politics and Strategy. 2014. Vol. 56, №2.
- 47 *Ibid.*; и DARDEN K. *How To Save Ukraine: Why Russia is Not the Real Problem* // Foreign Affairs. 2014. April 14th. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2014-04-14/how-save-ukraine> (доступ 01.09.2017).
- 48 GORENBURG D. *Countering Color Revolutions: Russia's New Security Strategy and its Implications for U.S. Policy* // Russian Military Reform. 2014. September 15th. URL: <https://russiamil.wordpress.com/2014/09/15/countering-color-revolutions-russias-new-security-strategy-and-its-implications-for-u-s-policy/> (доступ 01.09.2017); и BARTLES CH. K. *Getting Gerasimov Right* // Military Review. 2016. January-February. P. 30–38.
- 49 *Russian Law Allows FSB Agents to Open Fire on Crowds* // The Moscow Times. 2016. January 1st. URL: <http://www.themoscowtimes.com/news/article/russian-law-allows-fsb-agents-to-open-fire-on-crowds/554532.html> (доступ 01.09.2017).
- 50 CARR E.H. *The Twenty Years' Crisis: An Introduction to the Study of International Relations*. London: Macmillan and Co., 1946.